

Независимая газета. - 1998. - 3 сент. - с. 10.

«ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ВЕРГИЛИЙ»

У.Х. Оден: «Не нужно много таланта, чтобы увидеть то, что лежит перед самым носом: гораздо сложнее узнать, в какую сторону свой нос повернуть»

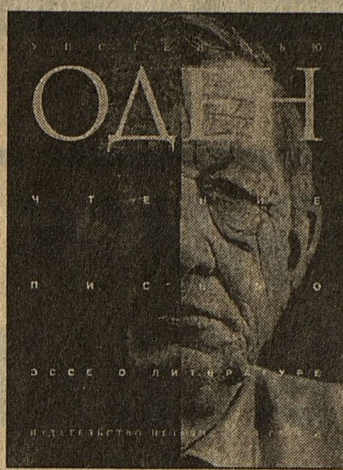
Евгений Витковский

У.Х. Оден. Письмо. Чтение. Эссе о литературе. — М.: Независимая газета, 1998, 315 с.

ОДЕНА «оприходовали» все; в книгах «Современная американская поэзия» (М., 1975), «Поэзия США» (М., 1982), «Американская поэзия в русских переводах» (М., 1983), — но и в книге «Английская поэзия в русских переводах» (М., 1984), и в томе Библиотеки всемирной литературы «Западноевропейская поэзия XX века» (М., 1977) в разделе «Великобритания» — в каждой есть подборка Одена; это далеко не полный перечень книг, о журнальных публикациях и говорить нечего. Михаил Зенкевич переводил его на русский язык (поэма «Испания») еще в 1938 году; и не поручусь, что не было чьих-то еще более ранних переводов. Редко кто из зарубежных поэтов (притом отнюдь

жизни (1907–1973) редко кто из великих поэтов менялся столь кардинально, как Уистен Хью Оден. Гомосексуализм Одена не менее (но и не более) важен для понимания его поэзии, чем, скажем, культура Исландии — «гипотетической родины предков Одена» (Г.Шульпяков, предисловие к книге эссе, изданных «Независимой газетой», с. 10). Для него одинаково важны древний Китай и республиканская Испания, США и Англия, Иозеф Вайнхейбер и Герман Мелвилл, Элгар По и Роберт Фрост, Брейгель «Мужицкий» и Врейгель «Алский», Кавафис и Бродский — список можно заполнить всю газетную полосу и нет уверенности, что кого-либо из упомянутых можно пропустить. Оден требует от читателя столь колоссальной культуры, что невольно задумаешься — а есть ли такой читатель в природе. И не найдешь ответа.

В первом же эссе, которым открывается книга «Независимой» «Чтение» мы находим основное (по Одену), чем занимается читатель — чтение. Кредо обращения читателя с миром и текстом — именно чтение, ибо текст — тоже мир. «Читатель — значит переводить». А для перевода, как известно, необходимо СЛОВО, если угодно — слова, иначе говоря, человеческая речь, язык. Притом желательно, не инфлированный, не уцененный. О чем бы ни писал на протяжении всей своей жизни Оден — в стихах или в прозе, — именно перевод действительности на язык человеческого общения был его главным делом. И он думал о том, что останется человечеству от него. Иначе не были бы вписаны в эссе «Письмо» такие слова: «Ни один поэт или прозаик не желает

А что до страданий, так в том они знали толк, Эти Старые Мастера — как бывает, когда голос и тот умолк —

так начинается в его переводе знаменитое стихотворение Одена «Musée des Beaux Arts», иначе говоря, «Музей изящных искусств» (в Брюсселе, где Оден побывал зимой 1938 года). Мало того, что в оригинале эти первые две строки никак не рифмуются (в чем читатель легко может убедиться — оригинал опубликован и в прошлогодней книге Топорова, и в антологии «Английская поэзия в русских переводах» (М., 1984)), — интересен тот факт, что по меньшей мере четыре перевода того же стихотворения было издано прежде, чем Шульпяков опубликовал свой. Притом это переводы Ивана Елагина, Павла Грушко, Виктора Топорова и Марии Карп; при очень разных их достоинствах ни один из них не начинается рифмованным двуступишем «под Бродского», да и оригинал им не начинается — Бродский родился лишь через два года после того, как это стихотворение было написано. Кроме того, Шульпяков (имя на это полное право) использует последние прижизненные варианты стихотворения Одена — а они часто намного короче прежних; «Вольтер в Фернее», к примеру, и в варианте Топорова, и в «широко известном в узких кругах» (ибо неопубликованном) переводе Михаила Гаспарова имел на целое шестистишие больше, чем в варианте Шульпякова; о том, что сокращение произведено автором, а не переводчиком, последний ни где не сообщил, — и хуже того, печатая оденовское «Письмо лорду Байрону» с пометкой «Публикуется с небольшими сокращениями» Шульпяков читателя просто заверил, что и остальные стихи он тоже сократил по собственному усмотрению. Я-то знаю, что это не так, только откуда читатель узнает?

Словом, переводы стихов, выполненные Глебом Шульпяковым — весьма вольные, но... никакой беда в этом не вижу. Каждый имеет право на собственное прочтение стихов любимого поэта, а если это прочтение воплощается в поэтический перевод — еще лучше. Многие стихотворения, помещенные в книге «Независимой газеты», были изданы по-русски раньше, иные (как было показано выше) по четыре-пять раз, так что читатель волен выбрать тот вариант, который ему больше по душе, или вообще обойтись оригиналом. Профессио-

нальный поэт-переводчик, впрочем, разглядит в переводах Шульпякова недостатки иного свойства, но это дело сугубо цеховое, и ни к чему вдаваться в него на страницах газеты. Мое дело лишь предупредить читателя, что влияние, оказанное Бродским на Одена, все же было несколько меньше того, которое может примерещиться чистым читательским душам в переводах Глеба Шульпякова.

Даже то, что Оден в своем знаменитом реквиеме памяти Уильяма Батлера Йейтса в последнем варианте из девяти строф оставил только шесть — не обидело читателя (хотя самого стихотворения, на мой взгляд, не улучшило). В недавней книге Топорова «длинный» вариант опубликован и в оригинале, и в переводе; в новой книге можно познакомиться и с «последней авторской версией». Свобода слова, никуда не денешься. Но еще хорошо бы вдобавок к ней и больше текстологической аккуратности.

Но есть у нас прославленный еще протопопом Аввакумом русский язык, на который можно одно и то же стихотворение хорошо (и весьма близко к оригиналу) перевести пять-шесть раз, притом никакими рифмами не жертвуя — просто нет нужды. По английски такой номер не выйдет, — и просящая другая, и рифмы все затерлись до безобразия. По совершенно другому поводу Оден сказал: «Признак того, что книга обладает литературными достоинствами, — это возможность ее разночтений». Книжки (и эссе, и стихотворения, и драмы) Одена поддаются множеству прочтений, в частности потому, что перед нами истинный метафизик XX столетия, притом начисто лишенный той чернухи, которую нам сплошь и рядом хотят выдать за метафизику. Жаль, конечно, что переводчики (даже германист Топоров!) традиционно игнорируют то огромное влияние, которое оказала на Одена немецкая (ауще

Оден за чтением «Хоббита» Толкиена. 40-е годы.

не «прогрессивных», что обычно означало пребывание в руководстве соответствующей компартии и примерное поведение по отношению к СССР) при советской власти до такой степени безболезненно проходил в печать. Традиция русских переводов поэзии Одена — материал для диссертации. Но авторские книги Одена на русском языке вышли лишь теперь: «Собрание стихотворений» (СПб.: «Евразия», 1997) (с параллельными английскими текстами) и нынешняя книга издательства «Независимая газета» — слава Богу, без параллельного английского текста, который лишь поглощает бумагу и выдает изъязыки перевода, кому нало, тот оригинал и так найдет, кто языком не знает — тому полнотики «без надобности». Все стихи в первой книге — в переводе Виктора Топорова, во второй (хотя там стихи занимают лишь небольшую часть объема) — в переводе Глеба Шульпякова. Хотя переводы, накопленные за шесть десятилетий, определенно сложились в некую традицию и их было бы интересно изучить сами по себе, но говорить буду в основном о книге, выпущенной «Независимой газетой»: в ней поэтическое творчество Одена занимает лишь 10% общего объема, и наконец-то уделено должное внимание Одену-эссеисту.

«Единственное, о чем бы я настойчиво просил любого критика, — это не говорить мне, что я должен одобрять, а что — порицать». Это слова самого Одена, и попытаемся выполнить его просьбу, хотя это в высшей степени трудно: сам Оден, попадая на протяжении жизни то под одно, то под другое влияние, тем только и занимался.

Иосиф Бродский в «Fondamente degli Incurabili» пересказывает историю, пригрезившуюся ему в Венеции возле ресторана «Флоринан». «Я подошел к нему и заглянул внутрь. Внутри был 1952 год. На красных плюшевых подушках, вокруг мраморного столика с кремлем бутылок и чайников, сидели Уистен Оден со своей самой большой любовью — Честером Кальманом, Сесил дей Льюис со своей женой и Стивен Спендер со своей. Уистен рассказывал какую-то смешную историю, и все хотело. Посреди рассказа за окном произошло хорошо сложенный моряк. Честер встал и, не сказав даже «до свидания», пустился по горячему следу. «Я посмотрел на Уистена — рассказывал мне Стивен годы спустя — он продолжал смеяться, но в глазах у него стояли слезы» (цитирую по изданию: Иосиф Бродский, «Набережная неисцелимых», М., 1992, с.254). В другом месте (в эссе «На стороне Кавафиса», написанном, в отличие от предыдущего, по-русски) опять-таки Бродский пишет: «Гомосексуальность как таковая побуждает к самоанализу сильнее, чем гетеросексуальность. <...> Гомосексуальная идея жизни в конечном счете, вероятно, более многогранна, чем гетеросексуальная. Идея эта, рассуждая теоретически, дает идеальный повод для писания стихов <...>». Тот, кто берется читать Одена, вынужден встать на ту же точку зрения — иначе он просто ничего в Одене (особенно в поэте) не поймет. Кому такая точка зрения не нравится — тому желательно к Одену не прикасаться. Но и тот, кто склонен (к примеру, по особенностям собственной физиологии) такой подход к искусству абсолютизировать, — тому желательно тоже к Одену не прикасаться. Ибо на протяжении относительно долгой

Лицо Одена конца шестидесятых, которое часто сравнивали со своеобразным пирогом, попавшим под дождь.

Другое дело — предисловие того же переводчика к той же книге («Хвала известиям»). Первая фраза — «Чем крупнее поэт, тем безнадежней его одиночество», — по-добный трюизм не обнадеживает (даже, не ровен час, неискушенный читатель после него и книгу покупать не захочет), — но дальше дело обстоит заметно лучше. Перечисляя факты биографии Одена, Шульпяков возвращается к одной и той же теме: язык как способ существования и выживания. Что и говорить, блаженны те, кто с рождения усвоил родной английский язык — не хочешь жить в Британии, живи в США. Не хочешь в Канаде — живи в Австралии. Не хочешь в Новой Зеландии... Ну и так далее. Мы в России этого лишены, Россия у нас одна, и всякий, кто пишет по-русски за ее пределами — эмигрант, или (в лучшем случае) мигрант. Выбора родины у русских нет. Попадать (как Оден, как Элиот) и в антологии поэзии США, и в антологии поэзии Великобритании — преимущественно англосаксов.

того — австрийская) культура. И еще много чего жаль. Лучше бы всего поставить на полку килограммовый том Одена на русском языке, где была бы переведена вся основная проза, а стихи давались бы полным корпусом — да еще каждое в трех-четырех переводах.

Раньше мы о таком только мечтать могли. Ну а теперь это — дело времени: великих писателей мы издаем именно так. Те, о ком написаны эссе Одена, помещенные в издании «Независимой газеты», в большинстве своем уже именно так по-русски изданы: Фрост, Кафка, Йейтс, Элгар По, Кавафис (последний издан лишь небольшой книгой, но чуть ли не каждое его стихотворение переведено много раз). Не одиножды выходили Элиот и Паунд. Словом, великие писатели по-русски издаются и раскупаются.

А то, что Уистен Хью Оден — великий писатель, этого можно больше не доказывать. Книжки, изданные в два последних года, это уже доказали.